

Андрей Драгунов

Подробности

*книга
стихотворений*

Андрей Драгунов

Подробности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17192549

ISBN 9785447449872

Аннотация

Теперь, когда не кровь – вода из вен – подкрашенная капает на землю – нет смысла ждать каких-то перемен, тем более каких-нибудь известий – от тех, кто мог бы что-то рассказать – в подробностях – как всё происходило, от тех, кто помнил книги, стол, кровать у длинного окна, что вечно мимо свет уводило, комкая черты того, кто жил в означенном пространстве... Лишь иногда переходя на «ты», но ненадолго – лишь на время «здравствуй».

Содержание

«Теперь, когда уже не помню сны...»	7
«К третьему января оживают уже вокзалы...»	9
4.I.2013	11
«Глаз принимает облако за дым...»	12
«На клумбе снег. Начало января...»	14
Вечер в academi`и	15
Январь 7. 2013 год	17
«Время окаменевшей воды и заснеженных статуй...»	19
Лес	20
«Кошки все разбрались и их следы...»	22
«Я расплатился на почте за телефон...»	23
«В моих словах уже не боль, но звук...»	25
«Опять январь...»	28
Неоконченный перечень	29
«В глазах рябит от чёрного на белом...»	31
«На день рождения мне подарили клумбу...»	32
Памяти Марины Цветаевой	34
«В это время года сходишь с ума от цвета...»	36
«Я буду блуждать в переулках огромной столицы...»	37
«Мы с тобой собирались пойти в воскресенье в церковь...»	38

«Во дворе, под окном – все знакомы, как будто родные...»	39
Городское кладбище №1	40
На берегу	41
Утро на Fondamenta degli incurabili	43
«Человеку с одышкой, с пустым карманом, с разбитым сердцем...»	44
Другу художнику	46
«Весна дождём стучится в календарь...»	47
«Соглядатай. Соучастник...»	49
«Двое на ступеньках перед входом...»	51
Из географии...	52
Бабочка	54
Жизнеописание одного горожанина	55
Петербургские бдения	60
Хмарь!!!	62
Одному монаху	63
«Надломленная ветка смотрит вниз —...»	64
«...из камушков обшарпанный пейзаж...»	65
«Когда домой воротиться опять —...»	66
В окрестностях Колизея	68
Дорогому племяннику	70
«Пейзаж, назначенный пожизненно в окно —...»	72
«Из фотографий скроенный пейзаж...»	74
«Сугроб опять по крышу. Сорок три...»	75
Январь, 25, 2013 год	76

«Наперевес с котомкою тетрадей, книг...»	77
Житейская история	78
Ив. Ан. Крылов, год 2013	80
Сюрреалистический этюд	81
Другу стихотворцу	82
Из жизнеописания	83
«Ты трогаешь ладонью воду со ступеней...»	86
Зимний пейзаж с продолжением	87
«До Рима не добраться – от тоски...»	88
Ещё одна зима	89
«Бог не забыл – Он просто не успел...»	91
Конец ознакомительного фрагмента.	93

**Подробности
книга стихотворений
Андрей Драгунов**

© Андрей Драгунов, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

«Теперь, когда уже не помню сны...»

Теперь, когда уже не помню сны,
и память чаще не спешит вернуться —
гляжу в окно, считая до весны
оставшиеся дни, когда проснуться...
И, может быть, тогда среди ветвей,
засиженных воронами, увижу,
что вымысел не больше, но длинней
самой зимы с её прокисшей жижей
из снега и бензина. Натекло
за месяцы, как ни сказать — за годы
переживаний. Многим повезло —
скончаться раньше — от того свобода
перемещения в означенных местах —
не более, чем дополнение к жизни
домашних дел... Один герой из ста
способен, как Икар, забраться выше
назначенных пределов, но и он
лишь жертва обстоятельств и погоды —
не для полётов, видимо, сезон
тогда случился — потому расходы
заранее заложены в казну...
Какая-то нелепая потеря —
зима на юге — впрочем, новизну

в пейзаж привносят вьюги и метели.

Январь 3 2013 г.

«К третьему января оживают уже вокзалы...»

К третьему января оживают уже вокзалы.
Электрички развозят близких, родных, знакомых
по адресам. Пустые два дня кинозалы
принимают любителей корма и Соса-Соґы.
На остановках опять оживление и слякоть.
Стоптаный снег тянет опять резину
зимних ботинок, что без того в заплатах
и едва ли помнят тишь и покой магазина.
Снова недельный отпуск назло соседкам,
что норовят без спроса в почтовый ящик
сунуть свой нос, откуда в конце недели
пропадают письма и почта о днях вчерашних —
оттого-то и память теряется где-то в числах,
как слова в чернилах, что высыхают раньше
скомканной памяти — в вечной заботе о смысле
переживаний — отсюда немного фальши
в этих сомнениях. Свет теребит сетчатку.
Вспышки гирлянд утомляют своим свечением.
Гражданин, замёрзнув, тычет рукой в перчатку,
согреваясь уже только одним движением.
В памяти снова всплывают слова с экрана
о хорошей жизни, что, как бы между прочим,
скоро наступит, но, видимо, слишком рано

в первые числа года о том пророчить...
как на кофейной гуще похмельным утром,
чтобы чего ни вышло. Смешно и странно
наблюдать, как люди глядятся ежеминутно
в стекло витрины, напоминая уже барана...
И автобус увозит очередных уставших
от безделья, праздника, мыслей о лучшей доле...
Кто-то уснул, согревшись, к стеклу припавши,
оборвав все мысли о прошлом на полуслове.
На последней букве. Погода глядит на север,
где видней чернила на белом. Ветвистый остов
новогодней ёлки стораает к концу недели
под восторженный крик хмельных от огня подростков.

Январь 4 2013 г.

4.I.2013

Из книг сооруженный остров торчит в углу,
напоминая лишь о днях минувших,
когда сидели молча на полу,
без стульев, так, вдруг за полночь проснувшись.
Когда мы «куковали» до утра
в сомненьи, «быть или не быть» нам вместе,
когда, уже проснувшись, детвора
соседская кричала об отъезде
на дачу, где и лес, и косогор,
и прочие излишества природы —
при взгляде на чернеющий забор
в конце дворе... О, торжество свободы! —
когда ещё не стар и пережить
способен всё, казалось бы — но книги
торчат в углу. И некого винить,
что в памяти осталось только имя.

Январь 4 2013 г.

«Глаз принимает облако за дым...»

Глаз принимает облако за дым,
но не от корабля – морозным утром
топилась печь, дыханием своим
напоминая облако, но смутно —
лишь очертанием. Но облака черты
не так расплывчаты, как кажется в начале,
когда ещё не отличаешь дым
от облака, как лодку на причале —
от корабля на горизонте, где
маячит облако. И дым от сигареты
на берегу, приклеенный к трубе,
срывается одним порывом ветра
в другую сторону от облака – к воде,
где только отражение всевластно,
сопротивляясь только лишь волне,
что к облакам и дыму – безучастна
и продлевает их короткий век
своим присутствием, как не сказать – вниманьем
к означенным предметам, чей успех
определим у зрителей названьем
и местоположением того,
что называют облаком и дымом,
распластанным в пейзаже, где окно
определяет данную картину.

Январь 5 2013 г.

«На клумбе снег. Начало января...»

На клумбе снег. Начало января.
Последний раз такое видел в фильме
ещё советском, где не говорят,
а что-то шепчут главной героине,
одетой в чёрное, а, впрочем, не понять
по чёрно-белым кадрам цвет одежды,
но у фантазии работы не отнять
и вымысел у зрителя, как прежде,
додумает картину. Белый цвет
всё уравнивает. Всех, на самом деле.
До времени состарившись, букет
на клумбе расцветёт опять в апреле.
Но нынче снег и на исходе дня
уже не видно ни земли, ни неба.
И среди снега свет от фонаря,
как бледная луна после обеда,
когда не видно вовсе ничего
из-за снежинок, будто из-за шторы,
когда луна печальное пятно —
единственный предмет для разговора...

Январь 5 2013 г.

Вечер в academi`и

В комнате тихо, темно – не включен свет —
неба достаточно в форточку, сквозь занавеску.
Через стекло процеженный – в чём секрет —
он занимает в доме любое место,
где по углам, не дальше длины руки,
прячутся тени, пережидая вечность
в этом пространстве, как на краю реки,
чтобы не сгинуть раньше, чем будет встреча
с оригиналом, чтобы в последний раз
сверить по памяти – как там оно случилось,
перевести в чернила простой рассказ —
так, для истории... и чистым листам на милость.
В комнате тихо. Слышно, как тает снег —
в мёрзлом пейзаже это почти спасенье.
Сняв под собой пространство минувших лет,
только вода способна на отпущенье
старых грехов... Зима на исходе дня —
всё, что осталось – это считать убытки
от преждевременной оттепели января
и продавать прохожим ещё открытки
с видами зимнего города, что теперь —
только история и не найти сравненье
с оригиналом, прибавив к числу потерь
«мокрую коновязь пристани» и везенье.

Январь 6 2013 г.

Январь 7. 2013 год

И. К.

Дворник чистит асфальт, замурованный намертво в лёд,
расчищая дорожки вдоль дома, от края до края.
Ко всему добавляется смешанный с грязью помёт,
что оставила после себя голубиная стая —
в назиданье потомкам, должно быть, и этим местам,
что совсем непригодны для жизни, как это ни странно —
сколько времени город стоит, что, наверное, устал.
И устало глядит на ворота с упорством барана.
Дворник мусор сгребаёт, оставшийся с ночи вокруг —
«в Рождество все немного волхвы» и несут кто что может.
Только вот ожидаемый долгие месяцы друг
невозможен у ёлки с дарами, увы, невозможен.
Он, конечно, вернётся когда-нибудь в эти места.
С голубиною почтой, возможно, иль просто приедет
на каком-нибудь поезде, если найдутся места
и окажутся не душегубами рядом соседи.
Но куда сметается всё, что смогли принести.
Дворник чистит асфальт, согреваясь лопатой и матом.
И негромкою просьбой кого-то от смерти спасти.
Вариантов немного и выбор, увы, небогатый.
И уже рассветает, и смятые за ночь черты
появляются в окнах, в уме проверяя потери

за прошедшую ночь. Одиноко глядит с высоты
та одна, что в исход положительный верит.

Январь 7 2013 г.

«Время окаменевшей воды и заснеженных статуй...»

Время окаменевшей воды и заснеженных статуй.
Кажется, что и не выжить в такую пору.
Слух пропускает шум сквозь густую вату
снежного облака, им заполняя норы,
т. е. – пространства между листом бумаги
и застеклённым глазом, опричь очками,
что холодеют так же от мёрзлой влаги,
как если бы лёд крошился, как хлеб – руками!
Время, когда ворона не скажет имя.
Кар прозвучит, как выстрел из старой пушки,
т. е. – не так, как раньше, когда другими
были герои сказки с лесной опушки,
где коротают время – иначе – вечность,
снежные статуи, слившись уже с пейзажем.
Чтобы не стать посмешищем – прячут нежность
под покрывалом и под сугробом даже.
Время, когда сохраняешь тепло в ладонях
только посредством голоса, выдыхая
шум из гортани. Время, опять, сегодня —
только возможность выжить за белым краем.

Январь 8 2013 г.

Лес

Мы дышим тем, что выдыхает лес.
И даже больше – облака над лесом
способствуют, чтоб кислорода вес
удельный был на уровне процесса,
определённого природой и людьми —
вторыми меньше – торжество прогресса —
не в этом варианте. Соловьи
куда полезней в тихой жизни леса.
Вообще – в пейзаже. Мыслимый простор
поверх деревьев повергает в драму —
предельного внимания в упор —
с той стороны небесного экрана.
И сцеженный по капле кругозор
сквозь облака, висящие над лесом,
сместив к опушке видимый простор,
стремится вдаль, но так – без интереса,
поскольку всё, что сохраняет глаз —
из видимого – только половина,
и то – не лучшая, как видимо сейчас,
когда пространство – белая равнина,
и с неба сыпет, как последний раз,
деревьям дав возможность не замёрзнуть,
не сгнуть – в сумме. Привыкает глаз
сверять происходящее по звёздам,

по их отметинам в заснеженном лесу —
опять упала – видимо, замёрзла,
став лишней, как соломинка в глазу,
что портит зрение, но выглядит серьёзно,
как и положено, наверно, наверху.
Неведомо откуда долетает
застрявшее в безвременьи ку-ку.
И лес, уснув под снегом, продлевает
звучание – куда-то меж ветвей.
Должно быть к звёздам, что ещё на небе.
И, до весны заснувший, соловей
досматривает сны о белом хлебе.

Январь 9 2013 г.

«Кошки все разбрелись и их следы...»

Кошки все разбрелись и их следы,
сгинув под снегом, только хранят молчанье
о пребывании оных. Теперь воды
будет достаточно, чтобы залить страданье,
когда растает, но не сейчас, теперь!
Не в это время. Как не сказать, пейзаже.
Смятое снегом утро, к числу потерь
лишь добавляет снега, что сверху ляжет.

Январь 10 2013 г.

«Я расплатился на почте за телефон...»

Коль жизнь есть дар – то будней не бывает.
Пётр Вайль

Я расплатился на почте за телефон,
за разговор с другой половиной света.
С той частью суши, где над столом плафон
помнит лицо хозяина. Жжёт предметы
жёлтым свечением. А на траве дрова,
т. е. – обрубки жизни. Лицо за дверью —
точно в старинной раме. И все слова
переместились в трубку и стали тенью.
Как бы ещё живые, но этот грех —
преодолим со временем. Часть потери —
в произношении. Из-за земных помех,
радиоволны гибнут – на самом деле,
где-то уже за дверью, на полпути,
за полцены по льготе – такая малость,
чтоб попрощаться с жизнью. И не спасти
парой банальных слов то, что осталось.
Даже не вымолвить. Чтоб не сойти с ума,
перебираю в памяти дни недели
с нашей последней встречи – тогда луна
не поднималась выше ближайшей ели,

т. е. висела прямо под потолком,
перебивая свет над столом плафона,
что округляет жизнь за твоим окном
до колеса стола, до размеров дома
в той части света... От почты иду домой,
где пересчёт потерь и холодный ужин.
В радиоволнах застывший земной покой —
без продолжения. И без любви, к тому же.

Январь 10 2013 г.

«В моих словах уже не боль, но звук...»

В моих словах уже не боль, но звук
отставшего от жизни очевидца.
В количестве потерь – число разлук
преобладает – и не ошибиться
в перечислении, как не сойти с ума
от вымысла, что ближе и дороже —
субботы, воскресенья, четверга —
в конце концов, все дни недели схожи.
И лишь Создатель знал в порядке толк.
Давая миру новые названия,
Он долго выбирал, но быстро смолк,
поняв всю тщетность имя называнья —
вообще творения. Неделя в январе
длиннее, чем декабрьская неделя.
Толпятся дети дольше во дворе,
но тот, кого все ждут – опять не едет,
а только наблюдает из-за звёзд,
прикрывшись плотно мокрым белым снегом,
как раньше, в дни, когда ещё погост
был пуст, и всё ещё кончалось небом,
а не землёй, как ныне. Времена
не лучшие, возможно, для спасенья,
но в том не Предводителя вина.

И многое зависит от везенья.
От вымысла, что в суматохе дней
спасает лучше всякого солдата,
и от того он ближе и родней —
хотя и там в финале ждёт расплата
за чёрные страницы, за язык,
испачканный чернилами. Словами —
в конце концов. Но автор строк привык
платить за всё, пока над головами
горит хотя бы малая звезда,
невидимая глазу в непогоду.
Сквозь облака направленный туда
глаз отмечает путь по небосводу,
по плотному скоплению облаков,
как по зарубкам в непролазной чаще,
страдая от дорог и дураков,
что одинаковы, но от второго – чаще.
И, согреваясь тишиной в ночи,
вдруг понимаешь, что твоё молчанье —
лишь продолжение чернильных слёз свечи,
что умирают после остыванья,
но от тепла твоих замёрзших губ
опять живут... и значит, Воскрешенье —
возможно. А философ пьян и груб
был, рассказав про вечное забвенье,
про память, что у девки коротка,
как волосы, стриженные к свадьбе
с единственным, что не пришёл пока,
но где-то рядом с мыслями о правде

не то что жизни, но судьбы своей,
что несколько длинней, чем многоточье
в конце строки. И, кажется, что ей
не наплевать, что будет между строчек.
Вообще – в финале. Там, где в две руки
какой-нибудь Шопен звучит натужно,
сжимая пальцы, что так коротки
в желании расстаться с жизнью дружно,
как с некой вещью, что нужна пока,
но вытерлась за годы потребления...
А жизнь, действительно, настолько коротка,
что вспомнишь про философа с забвеньем.
И с памятью к тому же. Но рука
чернит бумагу, продлевая вечность —
хотя бы до момента, где звезда
появится из облака навстречу.

Январь 11 2013 г.

«Опять январь...»

Опять январь.

О, сколько января...

Двух континентов сын – на острове меж ними.

Васильевский – молчит – за неуместность помнить.

Кошачий глаз сверлит на белом камне имя.

Со смертью ничего – тем более, сегодня.

Холодная вода полощет быль и небыль.

Приходят помянуть по случаю и вспомнить
какой-нибудь пустяк и Питерское небо.

Какую-нибудь вещь, чтоб навсегда запомнить.

Скиталец трёх морей, двух океанов – в сумме,
омытый с четырёх, как островок на карте.

В холодную постель закрыт, как бочки в трюме.

И лампочка горит в ничтожном киловатте.

«Не провожай меня в последний путь. Не надо!

Я всё равно вернусь на клетчатой бумаге...

А сына назови Андреем. Дочку Анной.

И пусть достанет им и силы и отваги...»

Январь 11 2013 г.

Неоконченный перечень

Классический пейзаж с названием дней,
как календарь, расписанный построчно,
поциферно, но кажется длинней
оригинала мыслимый подстрочник.
Как будто бы ещё не рассвело,
но, кажется, вот-вот – на самом деле.
Как будто бы дорогу занесло,
и жизнь теперь, как верю и не верю.
Слова висят на кончике пера,
пытаясь перебраться на бумагу,
рискуя жизнью. Кружка со стола
слетает на пол, проливая влагу
живительную. Медленно перо
скользит по разлинованной странице,
как в первом классе путая одно
с другим, как на вокзале лица
при встрече поезда, где запах пирожков
и времени, прошедшего в дороге.
Где вор-карманник – спёр и был таков —
под крик лишенцев, не сказать убогих.
Где время тикает безбашенно в часах
поверх вокзала, с голубиной стаей
общаясь больше. Где-то в небесах
аэроплан кружится, неприкаян,

как бабочка живая не игле —
ещё живая, но уже недолго
осталась мучиться на письменном столе —
и под стекло, к другим таким на полку.
На вечное хранение вещей,
в которых смысла нет, но украшают
пространство комнаты и оттого длинней
подстрочник, чем оригинал в начале.

Январь 12 2013 г.

«В глазах рябит от чёрного на белом...»

В глазах рябит от чёрного на белом.
Зима, зима. Чернила на листе.
Классический пейзаж, что так умело
Создателем расписан налегке,
т. е. — легко, как будто мимоходом,
в означенных границах бытия,
отмерив поровну — печали и свободы,
чернильной веткой расчертив поля.
Зима, зима. Заснеженная площадь
с вождём на клумбе, где среди цветов
замёрзших, перепившего полощет —
до дома не дошёл — в конце концов.
Метёт, метёт. О чёрно-белый праздник!
На разграбление — город — до весны...
оставлен снежным бабам. Снег-проказник
слепит глаза и заполняет сны...

Январь 12 2013 г.

«На день рождения мне подарили клумбу...»

На день рождения мне подарили клумбу.
Точней – один цветок. Ещё точнее —
отросток дерева. Растение на тумбу
я поселил, чтоб было веселее
в моём пространстве среди книг и пыли,
накопленной за годы проживания
в доставшейся от бабушки квартире.
Уже не вспомнить о её страданиях
по поводу и без. На тумбе клумба
произрастает – дерево в горшочке —
растёт себе, не думая, как трудно
порой в живых остаться. Между строчек
о дереве, как среди книг и пыли.
Пыль – признак времени. Винилово-бумажный
осколок вечности. В чернилах – жили-были —
на фабрике газетной, картонажной —
как среди книг. Отпущенное время
растёт, как дерево, не думая, что дальше,
что я стою с водою на коленях,
чтобы полить его. Немного раньше
я наливал себе горячий кофе —
за письменным столом. Увы, несносен
вид в зеркале. И до изнеможенья

попытка выжить. Кофе на подносе
ещё дымится. Дерево в горшочке
растёт на радость, но зима – не осень.
И время тянется до вымысла, до точки.

Январь 14 2013 г.

Памяти Марины Цветаевой

Пока ещё горит одно окно
напротив в доме – жизнь не завершилась —
до времени. Ещё не всё равно —
что там, напротив, может быть, случилось.
Что там, быть может, кто-то у огня
сидит один, не разжимая руки —
до белых косточек, не зная про меня,
про то, что жизнь – не вымысел от скуки,
от безнадёжности тех календарных дней,
когда надежда – лишь хороший завтрак —
и оттого, наверное, длинней
ночные бдения с кофейной жидкой правдой,
с банальщиной, рассказанной в ночи,
под луч огня, под трепетанье свечки,
что вместо лампы. Огонёк свечи
вместо сверчка, живущего за печкой,
как если бы весна, а не зима
с холодной веткой, что в окно стучится
при взрыве ветра. И из-за угла
глядит восторженно оплаченный убийца —
оплаканный уже. В который раз
жизнь выставляет счёт за проживание
в пейзаже, обозначенном сейчас,
как за гостиницу с совсем простым названием,

откуда выселяют до утра,
как не сказать – навечно. День недели —
уже неважен. Крошки со стола
летят в карман. От скомканной постели
ещё тепло. И книги на столе
напоминают, что ещё не умер.
И чья-то жизнь в означенном окне
ещё горит с огнём неярким в сумме
означенных вещей. И не помог
уже холодный кофе. Сигарета
дымится, как сомненья – за порог —
в другую жизнь, где, может, больше света
для проживания. На улице темно —
ещё не рассвело – хороший повод —
жечь свечи, вместо лампочки – в окно
не допуская темноту и холод,
как посторонних. Отрывая взгляд
от светлого окна в стене напротив,
гляжу на небо, где созвездий ряд,
как буквы в книге, но на обороте.

Январь 15 2013 г.

«В это время года сходишь с ума от цвета...»

В это время года сходишь с ума от цвета.
Из-за его отсутствия в чёрно-белом,
мокром пейзаже, но судя по всем приметам,
скоро весна и цвет под ногами скажет
о продолжении жизни. По крайней мере,
смятое облако, что так сулит надежду
на выживание – ближе, на самом деле,
взбитой подушки, что холодна, как прежде,
во времена, когда все ещё были живы
и, от волнения, шли косяком на красный,
перебивая друг друга – А знаешь, ты бы... —
Нет, это ты бы.. И всё ещё не напрасно...
И в голове ещё не черты, а лица —
пусть и немногие, но тем прочнее память..
И в отражении с белым ещё не слиться,
но до которого можно ещё руками —
взглядом, хотя бы. И чёрно-белый город,
как продолжение смятой уже страницы
после ночного бдения. Выше ворот,
чтоб не замёрзнуть. И ничего не случится.

Январь 15 2013 г.

«Я буду блуждать в переулках огромной столицы...»

Я буду блуждать в переулках огромной столицы.
Скитаться по улицам, где ещё помню названия,
где, может быть, даже уже ничего не случится,
о чём пожалел бы, умножив тем самым страдания.
Я буду тебя вспоминать и холодную осень.
Чужие квартиры в клубах сигаретного дыма,
где взгляд упирается в стену и имя не спросят
у нового гостя, приняв за хозяйского сына...
Я буду до ночи бродить, где короткая память
найдёт подтверждение или хотя бы подсказку,
какую-то мелочь, которую можно руками
потрогать и вспомнить, что жизнь, как хорошая сказка,
кончается свадьбой... Я буду тебе через время
писать свои письма о том, что уже не случится.
И только потом, на вокзале, когда не уедет
мой поезд, увижу до боли знакомые лица.

Январь 16 2013 г.

«Мы с тобой собирались пойти в воскресенье в церковь...»

Т. З.

Мы с тобой собирались пойти в воскресенье в церковь, но опять не случилось. Опять торжество снегопада — перекрыта дорога, как жизнь переправлена смертью по каким-то там правилам, в рамках другого уклада. Мы хотели отправиться, но у погоды не спросишь разрешения выйти из дома, пойти на прогулку. И трамвай застревает на рельсах, и снова заносит — и базарную площадь, и тропы в глухих переулках.

Январь 16 2013 г.

«Во дворе, под окном – все знакомы, как будто родные...»

Во дворе, под окном – все знакомы, как будто родные.
И как будто бы даже глядят без утайки и страха.
И порой вспоминают прохожего нового имя,
что когда-то бывал здесь, но съехал, должно быть, рубаха
не пришлась ему в пору – с девицей из третьей
квартиры —
как с чужого плеча, но глаза поднимает на окна,
вспоминая, возможно, как звук пресловутой секиры
отделился от стога, на смерть отправляем кого-то...
А теперь только память и взгляд на случайных
прохожих —
не оттуда ли вышел? – с довольным лицом очевидца
бесконечной любви, что с секирой по умыслу схожа.
И какая-то боль остаётся в означенных лицах.

Январь 17 2013 г.

Городское кладбище №1

Чисто. Зима прибралась среди старых могил —
будто ко времени, но не назначили дату
очередного свидания. Кто-то курил,
снег притоптал, но не пошёл за ограду.
И следы потерялись в гербарии снежных цветов,
не обещая вернуться — чужая табличка.
Видимо, спутал фамилию — если б лицо
было на камне, но камень в цветах обезличен.
Видимо, кто-то решил, что не нужен портрет —
только фамилия и неразборчиво имя —
стёрлось со временем, как из бумаги букет,
перелицованный снегом. И снег вместе с ними
греет могилы, пока не настанет тепло —
скудная шуба, но лучше, чем голая правда,
что никого не осталось. Опять занесло
снегом — теперь уже с верхом, засыпав ограду.
И не откроют калитку уже до весны.
Только смотритель глядит на пейзаж виновато —
в общем, согласный, что жизнь, как в аптеке весы —
поровну всё. И за всё наступает расплата.

Январь 17 2013 г.

На берегу

На берегу, у самой кромки
воды, следов не оставляя,
где краб, гниющий на обломках
какой-то лодки – замечаю,
что волны набегают по две,
как рифмы в рукопись вплетаясь
в песок. Вода в стеклянной колбе —
не так играет, нагреваясь
от спирта из сухой таблетки —
аптекарь прав – не помогает.
Сыграть бы лучше на рулетке
с такой волной, но шар слетает
с вертушки на пол. Жду замены
на берегу цветущей лужи.
Возможны в жизни перемены,
но краб, гниющий в лодке – тут же —
как ни крути, напоминанье
о бренности всего и в сумме.
И чаек шумное болтанье —
лишь дополнение к грустной думе —
без всяких там анжабеманов
и прочей шелухи словесной —
таскают крошки из кармана —
другое им неинтересно.

Восторженно гляжу на воду,
на собственный расклад в водичке.
Откуда-то приходят волны
и образ сразу обезличен,
размыт, разбросан по песчинкам,
по берегу, сопоставляя
теперь оригинал с картинкой
с гниющим крабом в лодке с краю.

Январь 18 2013 г.

Утро на Fondamenta degli incurabili

Не пытаюсь вспомнить, чьи там ещё слова,
на каком наречии кто-то ещё картавит...
Просто тупо пялюсь на воду. Голова
соображает медленно от печали.
Т. е. теперь напиться бы той воды,
чтобы сказать застрявшими где-то в горле,
членораздельными звуками – кто ты, зачем, куды
прибыл – грозному дяденьке в чёрной форме.
Чтобы если и плыть, то туда, где он
неизлечимо спит, согревая вечность
невским дыханием, смяв за собой Гудзон
при переезде, думая лишь о встрече.
Чтобы воды до бортика, до руки,
чтобы умыться, сняв с отраженья тяжбы.
Но холодна водица, и коротки
пальцы, чтоб дотянуться – такая жалость.

Январь 18 2013 г.

«Человеку с одышкой, с пустым карманом, с разбитым сердцем...»

Человеку с одышкой, с пустым карманом, с разбитым сердцем

нечего пробовать даже взойти на гору,
чтобы увидеть восход. Старательные японцы
подготовили тщательно фотовидеокамеры, воду,
бутерброды с тунцом – холодный, но сытный завтрак,
чтобы дожить до обеда. Рулон туалетной бумаги —
на всякий случай. Проводник торопит отставших,
что каждый сам за себя на пути к вершине
и ждать никого не будет.

Маленькими шагами пробираюсь по узкой крутой тропинке.

Старый немец что-то бубнит про невозможность выжить
в данном пространстве, что взял не те ботинки
для восхождения и от этого сводит пальцы.

Поднимаюсь медленно, переводя дыхание —
велико желание встретить восход на крыше
мира, в окружение таких же безумцев, что еле дышат,
но не смотря на это бредут послушно,
спотыкаясь при каждом шаге о пыль и камни,
что разбросаны тут же, для усиления веры —
то ли в величие духа, то ли в собственное бессилие.
Иду за солнцем. У Олега Попова оно завсегда в авоське.

Догоняю жителей страны восходящего...
Опять перевожу дыхание – затея из самых глупых.
Спал бы в номере под мерный шум вентилятора,
охлаждая постель до температуры тела,
или смотрел бы с балкона на остывший за ночь пейзаж.
Из-за вершины вдруг появилось солнце.
Японцы, сфотографировавшись, семят обратно
шумной стайкой с довольными результатом лицами.
Разворачиваюсь и двигаюсь в сторону заката,
надеясь на лучшее, и что по дороге вниз ничего
не случится.

Январь 18 2013 г.

Другу художнику

В беседах наших стало холодать —
я стал неинтересный собеседник,
даже для близких. Стол, тетрадь, кровать —
доступный мир. Да бабушкин передник —
для завершения картины. Ничего,
чтобы понравилось зашедшему погреться —
пусть даже другу – не вина его,
что вытерлась душа и глохнет сердце,
когда чернила заменяют кровь
и ветка в такт в окно мне барабанит
о том, что жизнь не повторится вновь,
в который раз, когда меня не станет.
И только средь исписанных страниц,
среди бумаг, оставшихся за мною,
найдётся что-то – в отражении лиц,
в чернильных пятнах, что чего-то стоят,
должно быть, чтобы смерти вопреки —
остаться в памяти – в бумажном воплощенье
без комментариев, где строки коротки,
дожить до вечности, как не сказать – прощенья.

Январь 18 2013 г.

«Весна дождём стучится в календарь...»

Весна дождём стучится в календарь,
но как-то преждевременно, до срока.
Ещё в обед горит уже фонарь —
иначе тьма и вечная морока
с определением – куда зашёл ты. Где
теперь находишься, который день недели?
Огромная луна висит в окне,
и ты глядишь, ещё не встав с постели,
на отражение и, видимо, оно
тебя совсем, совсем не вдохновляет
на подвиги. Давай пойдём в кино
или куда-нибудь, где нас не знают.
Давай попробуем расплавленный фонарь
поздравить с праздником каким-нибудь – неважно.
Переиначим зимний календарь
по-новому и закрепим бумажно,
чернилами. Какая ерунда
на улице – и снег, и дождь, и листья
сушёные. Ворона без труда
читает глупых очевидцев мысли,
не размышляя о своей судьбе,
что так длинна. В означенных пределах
дороже сыр – не мысли о себе,

что в ветках прячет, в общем – неумело.
Его бы, сыр, в бумагу завернуть,
переложить в коробку и подальше
прибрать от глаз голодных. Умыкнуть
от соглядатаев, что не было, как раньше.
Послушай, может быть, опять пойдём
куда-нибудь, пока ещё погода
не запечатала дождём дверной проём,
и есть возможность выйти на свободу.
В какой-нибудь проулок завернуть
и спрятаться от глупых очевидцев.
Вокзал недалеко – туда нырнуть
возможно – в сумму??? к незнакомым лицам.
Таким же, как и мы для них. Пойдём,
откроем заново знакомый с детства город
и, может быть, забытую найдём
соломинку, что вытащит за ворот
со дна дождя. Забудем о делах,
о неуплаченной квартплате, о проблемах —
так краток век, что время на словах
заботится о наших переменах.

Январь 19 2013 г.

«Соглядатай. Соучастник...»

Соглядатай. Соучастник,
охраняющий меня —
Ангел мой, душеприказчик —
я полцарства за коня —
не отмеряю. Не выйдет.
Сам в квартире на пять душ
прозябаю, где в сортире —
мойка, прачечная, душ.
По углам, помимо пыли,
книги, вещи и цветы.
Мысли в голове остыли
от такой вот красоты.
Ты прости меня, любезный,
что я к месту или нет
размышляю о полезном
и молчу всегда в ответ
на твои ко мне упрёки —
я, конечно, не святой,
но зато — без подоплёки,
парень, в общем-то, простой,
вышедший из подворотни
и с истерзанной душой.
Лучше, посмотри напротив,
как глумятся над собой.

Январь 19 2013 г.

«Двое на ступеньках перед входом...»

Двое на ступеньках перед входом
в церковь что-то громко обсуждают —
справа или слева от прохода
должен крест стоять... Не замечают,
что уже подряд который вечер
разговор, как колесо – по кругу.
Телефонный вызов не отвечен.
И жена ушла от злости к другу —
инженеру – он не на ступенях,
дома спит, зажав в руках подушку.
Мысли о котлетах, о пельменях
теребят его больную душу.
Каждый раз, ворочаясь в кровати,
объяснения сомненьям не находит —
кажется, ну вот, они, объятья,
а любовь чего-то не приходит.
А вокруг уже который вечер
бабочки, как ангелы, летают.
Справа или слева ставить свечи —
всё равно! И Бог об этом знает.

Январь 19 2013 г.

Из географии...

Спросишь дорогу в городе, где названья
перепутаны временем – и потеряешь время
в поисках нужного адреса – по незнанию
ориентируясь по старым уже строеньям.
Будешь блуждать по вывескам, как по нотам.
Перебирая каждую в поисках нужной,
думаешь – как там Создателю было с работой
при Сотворении? – кто там помог со службой.
И если не повезёт отыскать похожий
дом – отпусти на волю свои желанья —
видимо, так суждено, – как сказал прохожий,
видя, как ты собираешь в горсть названья
несуществующей жизни. Купи открытки
с новыми видами – просто уже на память,
чтобы хранить, как дом на спине улитки —
поближе к сердцу, чтобы всегда руками
можно потрогать было. В вагоне сыро.
Пересекая площадь, трамвай качает,
как малую лодку в море, где всё, что было —
воспоминания – где-то ещё вначале,
где адреса по списку кремлёвских старцев,
что пережив эпоху, ушли в забвенье.
Дальше – сплошные цифры, а к ним мытарства
переселенцев, замученных во спасенье.

Видимо, прав был Автор, что всё проходит.
Дальше ещё про камни, про радость жизни.
Только глядишь – последний трамвай уходит —
и ничего от жизни! Остаток мысли...

Январь 20 2013 г.

Бабочка

С улыбкой бабочка кружит под потолком.
Откуда-то взялась в такое время —
ненастное. Ведь знает, что потом —
не возвратится. И мои сомненья
по поводу погоды – в самый раз —
не лучший вариант на самом деле
для жизни бабочки. И оттого рассказ
кончается, как всё – в конце недели,
воскресным утром. Медленная тень
от бабочки скользит по одеялу,
от края к краю, тормоша постель
своим присутствием, но, кажется, так мало
её в пространстве комнаты. Она
кружит себе, кружит о штукатурку,
как экземпляр, проснувшийся сполна,
чтоб завтра стать засушенной фигуркой
в каком-нибудь углу среди вещей,
чей смысл даже в списках не означен...
И в понедельник, разобрав постель,
найду кусочек, в складках, на удачу.

Январь 20 2013 г.

Жизнеописание одного горожанина

Я пробовал отказываться от
всего, что о тебе напоминало.
Я даже позабыл про Новый год,
чтоб каждый год не начинать сначала
историю, которая свела
в одной квартире всех, когда-то живших
на этой территории. Угла
не предоставив даже вновь прибывшим —
без надобности для тебя они,
как мелочь в продырявленном кармане,
что сыпется на землю — лишь толкни
её рукой и звоном не обманет
прощальным — навсегда. В былые дни
и я глядел не эти превращения
в границах комнаты. Разрушенный камин
и угли в нём почти что без движенья —
лишь иногда их трогает сквозняк
своим дыханием, но дверь всегда открыта,
и он уходит, как печальный враг,
когда на поле армия разбита —
и только по количеству потерь
историк узнаёт о поражении.
Ни раненым, ни выжившим теперь

не скрыться от людского осуждения
в каком-нибудь заштатном городке,
где только церковь и хранит молчанье
о пережитом. Лодки по реке
везут погибших, как напominанье
свидетелям. Глаз привыкает вновь
мириться с окружающим пейзажем,
но об бесцветья утром стынет кровь
и сердце чаще бьётся как-то даже.
У города не спросишь, отчего
он так состарился – ни войн, ни лихорадки
какой-нибудь. Немытое окно
бросает тень на жёлтую тетрадку
на письменном столе, когда-то он —
свидетель и участник. Только странно —
не сохранился голубой плафон
и вазочка на стойке у дивана —
должно быть, время. И когда теперь
всё это видится в другом, волшебном свете —
мысль не торопится за сквозняком за дверь,
а топчется, как призрак, на паркете,
желая разобраться до конца —
что, где, куда, зачем – на самом деле,
передавая знаками лица
своё волнение и то, что не успели
стереть морщины. Память не стереть.
Я пробовал – бессмысленная трата,
но на тебя не стоит так смотреть —
воспоминанье о тебе всегда чревато

каким-нибудь несчастьем. У тебя
какой-то дар – всё превращать в руины.
И даже просто, нитку теребя —
соорудишь петлю для половины
тебя любивших. И твои черты,
как отражение, всегда на старом месте.
Возможно, сильно задержалась ты
и мстишь за то, что мы уже не вместе,
а как-то рядом, где-то среди книг —
между Довлатовым и Бродским – посередине,
к чему ещё читатель не привык,
но глаз цепляется к сюжету на картине
среди других. Возможно, что окно
способствует, ну, т. е. освещение.
У мастеров так славилось оно —
у тех, других – эпохи Возрождения.
А ныне... Ныне – погляди в окно-
ворона сыр клюёт, не уставая,
на полотне – банальное кино,
где каждый, с первых кадров, узнаваем,
как ты и я – в былые времена,
но по другому поводу. Не помню —
ты старше или младше, впрочем, я
согласен младше быть.. А время – тронь и-
переведёт, опять, на час вперёд,
как штраф за срочность, чтоб не баловали
с календарём. Кто после разберёт —
что там хранится, в сумрачном подвале
среди других, неназванных вещей,

с плафоном вместе, с вазочкой разбитой —
по случаю, где там же, среди комнат,
хранится привезённое корыто
из дальних странствий. Кажется, оно
разбилось тоже, пережив хозяев,
но ненадолго. Впрочем, всё равно —
сгодится для рассказа, где был крайним
старик у моря. Захудалый сад
перед окном и выцветшая башня —
от времени — глядят на всё подряд,
не выпавшись после гостей вчерашних
уже не к месту заглянувших на
огонь в окне. Глядишь на очевидцев
и думаешь — наверное, вот так
и будет выглядеть какой-нибудь убийца,
умеющий читать, писать, играть
на пианино, что в углу за шторой,
стоит в пыли. Хозяйская кровать
останется холодной в эту пору
из-за гостей. А впрочем, всё равно,
какая разница, что там, в окне напротив —
комедию играют иль кино,
трагичное в конце — на обороте,
с изнанки, так сказать, текущих дней,
что всё длинней, а ноги всё короче...
И память, хоть и выглядит бодрей —
но слишком много в тексте многоточий,
как и должно быть, видимо, уже...
Погода за окном — лишь продлевает

своё присутствие. Деревья в неглиже
столбят пейзаж. Ничто не предвещает
ни радости, ни праздника в душе...
Старик глядит на море молчаливо,
страдая по растерзанным уже
снастям. Луна в окошке сиротливо
торчит меж веток голых – напоказ,
страдая тоже, как и все в округе,
от бессердечия погоды, что сейчас
готовится отдать округу – выюге
во временное пользование. Час,
когда закончится бесчинство – не известен.
Но лучше кончить здесь сейчас рассказ,
пока не слышно заунывных песен.

Январь 21 2013 г.

Петербургские бдения

...и гость приходит, опуская взгляд —
он опоздал и из пустых карманов
обещанные вина не торчат,
хотя он трезв или почти не пьяный,
но выглядит не очень. У него
все рукава испачканы в побелке —
в подъезде, да, действительно темно —
свет на Ростральных, видимо, на Стрелке
остался ночевать. Его рукав,
по ходу правый, выпачкан сильнее —
он отряхнулся, но уже устав —
не до конца – следы ещё белеют
на рукаве. Он даже – Виноват, —
сказал, когда его прижали к стенке,
опять белёной... Жёлтый циферблат
всем завещал конец игры по стрелке...
Он обещал, что местный армянин
ему продаст вино так – сверхурочно,
но всем казалось, если он один
пойдёт за ним, то трезвыми все – точно —
останутся до самого утра
и будут куковать под звон гитары —
нестройной. И ребята со двора
предложат выпить выжимку агавы,

чтоб не скукожило совсем, в конце концов.
И гость молчит, как нанятый убийца.
Ему хозяйка плюнула в лицо,
а он утёрся и с деньгами скрылся...

Январь 21 2013 г.

Хмарь!!!

И. К.

...и Ангелы смеются надо мной,
как бабочки кружа над головою.
У бабочке – всего лишь день! – другой
у Ангелов словарь, чтобы со мною
поговорить, неведомо о чём —
услышат уши и глаза увидят —
бегущего мальчишку за мячом,
соседского. И оттого не стынет
ни в жилах кровь, ни под окном вода
холодная. Пустые разговоры.
Быть может, всё – простая ерунда
с банальной правдой, что умрём мы скоро!

Январь 21 2013 г.

Одному монаху

...а ноги твои, ноги...
а руки твои, руки...
а уши твои, уши...
и твой горбатый нос —
всё достоянье тоги,
помятой не от скуки,
и тут не там, где души
спускают под откос...

Январь 21 2013 г.

«Надломленная ветка смотрит вниз —...»

Надломленная ветка смотрит вниз —
уже не до листвы теперь, весною,
когда другие выше поднялись,
став ближе к солнцу, за собою
не замечая больше ничего —
листва, конечно же, надёжное
прикрытие для веток, что в союзе со стволом
век проживают, и вокруг события —
лишь так – пустяк. Неведомо куда
слетает лист – теперь к земле поближе,
к корням поближе. Талая вода
спасёт от жажды, а немного ниже —
другая жизнь, но, впрочем, ерунда —
надломленная ветка высыхает
за несколько недель – и не беда,
что всё кончается не так, как ожидаешь.

Январь 22 2013 г.

«...из камушков обшарпанный пейзаж...»

...из камушков обшарпанный пейзаж.
Обшарпанный песком и ветром в сумме
цветных строений – захудалый пляж
глядит печально, как цветок на клумбе
в ненастный день. Холодная вода
встречается с песком, песок на камни,
вода уходит, с жизнью навсегда
прощаясь в глубине – и только память
способна совместить земную твердь
и жидкий вариант самой пустыни,
где на песок – лишь только посмотреть —
и кажется, что ты пропал отныне.

Январь 22 2013 г.

«Когда домой воротишься опять —...»

Когда домой воротишься опять —
не встретишь никого. Всё, что осталось —
по дням недели лица не вспомнить —
такое иногда уже случалось
в былые дни, когда через года,
измерив географию ночами,
вдруг возвращался с мыслью — навсегда,
но сохранял котомку с сапогами —
на всякий случай. Но когда теперь,
не обнаружив даже очевидцев,
свидетелей твоих былых потерь,
вдруг понимаешь, что должно случиться
с тобой отныне, т. е. — навсегда.
Вода из крана — не течёт, как раньше —
сантехник, видимо, не пожалел труда
исправить то, что, несомненно, старше
его работы. И входная дверь,
как раньше, не скрипит, не задевает
за что-то там, невидимое мне,
и этого немного не хватает
по возвращению. Откуда-то глядят —
немой будильник, сломанный светильник —
из глубины. Но замирает взгляд

на фотографиях – и Время – страж всесильный —
глядит обратно. Тихий разговор
за стенкой слышится, ребёнок тихо плачет,
собака оглушает лаем двор —
и всё как будто ничего не значит —
теперь уже. И бабочка в стекле,
как герб фамильный, разбросала крылья
в своём пространстве. Книга на столе
лежит в пыли, как будто бы забыли...

Январь 23 2013 г.

В окрестностях Колизея

Стенания разбуженных собак —
случайно ночью – заполняют площадь,
пугая припозднившихся зевак —
на Императора – божественною ночью
в начале марта. Вот такой вот сон
в другом пространстве – окнами на север —
глазницами во тьму, где тихий звон
кромсает ночь на верю и не верю.
На вымысел, в котором утонул
сам Император. И теперь собаки
дань отдают и сердцу и уму,
бредущего сквозь темноту. Во мраке
ступает осторожно каждый раз,
когда нога ощупывает почву —
подводит нюх, но зорко видит глаз,
чтоб отличить слова от многоточий
сплошных в признаниях – и это навсегда —
на время, что отпущено для жизни
и даже больше. Впрочем, иногда
всё завершается быстрее полёта мысли
над площадью, где сыро и темно.
Темно от ночи, а вода из крана
бежит себе, не заслоняя дно
своим присутствием. Проснувшись слишком рано,

сосед увидит – Император спит —
он тоже Император, но попозже.
Собаки лают. Светофор горит.
Карабинер пересекает площадь.

Январь 24 2013 г.

Дорогому племяннику (из Вергилия)

Когда-нибудь после, когда не наступит старенье,
но детская шалость пройдёт вместе с первой любовью,
оставив усмешку и несколько кратких мгновений
на память тебе и состарится вместе с тобою.
Когда, переросший тебя, твой посаженный кустик
собой заслонит вид на дом и другие строенья,
на тень отмеряя пространство, пусть даже из лучших
своих побуждений в пределах родного селенья —
тогда, может быть, я тебе расскажу, что случилось
со мной и с другими. И, может быть, даже узнаешь,
откуда берутся цветы на безродных могилах,
к которым дорогу мостит неприметная память.
Тогда, может быть, не останется больше вопросов
каких-нибудь разных, со всякими там запятыми
в фразах — короче, чем мат пресловутых матросов,
что так разговорчивы, но не запомнилось имя
хотя бы кого-нибудь — память всегда однобока
в своих предпочтениях, в вымысле и в воспоминаньях,
таких же коротких, как ветер горячий с востока —
и только слова продлевают его завыванья
в полночной тиши. Может быть, повезёт — ты узнаешь
короткую правду о том, что творится на свете,
пока подрастают кусты, да и ты подрастаешь,

и солнце глядит на тебя – ни за что не в ответе.
Попозже расти, мой племянник, не ведая страха.
Ещё благосклонна к тебе предстоящая старость.
Ещё не промокла от крови льняная рубаха.
И память ещё впереди, а не то, что осталось.
Ты, может быть, скажешь однажды, что всё – пустословье,
досужие сплетни какой-нибудь дряхлой старушки —
взгляни – в небесах за тобой наблюдает с любовью —
звезда – и не та, что горит в новый год на макушке
виниловой ёлки. Взгляни, и, возможно, оттуда
тебе без меня перескажут события все —
какой-нибудь ангел, что также в преддверии года,
глядит на звезду и надеется – всё ещё будет —
простая снежинка окажется Божьей слезою! —
и ты, утеревшись, заметишь – снежинка не тает
в горячих ладонях. И вспомнишь беседы со мною,
когда даже ангелы вечером спать улетают,
поскольку с утра мокрый снег и земные заботы —
вода говорлива в растаявших масляных лужах.
И ты побежишь, успевая ещё на работу —
к тому же зима. И звезда скрылась в тучах к тому же.

Январь 24 2013 г.

«Пейзаж, назначенный пожизненно в окно —...»

Пейзаж, назначенный пожизненно в окно —
единственная радость поселенца,
чья жизнь на подоконнике давно
сложилась — с книгами и каплями для сердца,
на всякий случай. А в углу окна
засушенная бабочка пылится
с поломанным крылом — в угоду нам
она опять на свет не возвратится,
как Феникс, что из пепла и в окно —
ищи его, свищи, на самом деле,
как в сказке. Ну да, впрочем, всё равно,
в каком теперь он царствует пределе.
В каких краях. За пыльное стекло
свет проникает, как за занавеску
лучами тонкими, которые назло
хозяину играют повсеместно,
разыгрывая некий передел
пространства, обозначенного выше,
на составные. Если не успел,
то остаются только сыр и мыши,
грызущие доставшийся кусок
из мышеловки, продлевая время
живущего ещё на малый срок —

пока он кормит их, встав на колени над мышеловкой, чтобы новый сыр достался им на завтрак или ужин — в достаточном количестве. И мир — со светом или без совсем не нужен тому, чей глаз, прикованный к листу, лишь различает чёрное на белом при свете лампы. Стёкла на носу лишь добавляют разности и в целом снабжают зрение количеством вещей, что так необходимы под рукою — чернила, лист, пяток карандашей. Да свежий сыр, что от мышей не скроешь.

Январь 24 2013 г.

«Из фотографий скроенный пейзаж...»

Из фотографий скроенный пейзаж
на крашенной стене – воспоминанье
о прошлой жизни – парк, фонтан, витраж
в гостиничном окне – теперь названья
остались только. И куда ни глянь —
увидишь только выжженное время —
на подоконнике засохшую герань
и сторожа, что это время греет
своим присутствием, страдая от того,
что охраняет не предмет, а память
какую-то. И девушка с веслом
ему способствует мясистыми руками.

Январь 24 2013 г.

«Сугроб опять по крышу. Сорок три...»

Сугроб опять по крышу. Сорок три.
Чего ещё от жизни? хлебный мякиш
с какой-нибудь изюминкой внутри
и кофе чтоб дымился настоящий —
не суррогат из хлеба и тоски.
Чего ещё, пока светла дорога,
и облака ещё не на куски,
в лохмотья — чтоб не так убого
смотрелось небо в списках мастеров,
когда они расписывают местность
со всем усердием и замысел таков,
чтоб узнаваема для всех была окрестность,
заполненная лесом и людьми —
знакомая картина совершенства,
где из пейзажа только соловьи
готовы петь из чистого блаженства
от этой жизни. Медленная тень
от дерева легла на подоконник.
Чего ещё от жизни? Этот день —
ещё один. И на обед рассольник.

Январь 25 2013 г.

Январь, 25, 2013 год

Т. З.

И Ангел, проведя своим крылом
по волосам, ребёнка не разбудит,
присядет рядом с письменным столом
на табуретку. Никого не будет
ещё в квартире – домочадцы спят,
досматривая сны в конце недели.
И Ангелы сквозь эти сны глядят
на мир вокруг, что спит в своей постели.

Январь 25 2013 г.

«Наперевес с котомкою тетрадей, книг...»

Наперевес с котомкою тетрадей, книг
пересекаю площадь, смотрю в витрину,
где среди прочего, мне показав язык,
собака чешет о прилавков спину —
должно быть, местный обитатель, раз его
не гонят прочь и разрешают греться —
в такую пору, видимо, любовь
острее к ближним и теплее сердца.
В такую пору, как последний лист,
душа дрожит, не находя покоя
в своих исканиях. С асфальта поднялись
снежинки – ветром, заслонив собою
вид на витрину. Сколько видит глаз —
собака, сунув нос под батарею,
разглядывает сны, где ей сейчас
так хорошо, как никакому зверю.

Январь 26 2013 г.

Житейская история (фрагмент)

Они сегодня ехали опять
проведать сына, как всегда во вторник.
Погода обещала не мешать
своим присутствием – так у подъезда дворник
сказал, когда спешили на трамвай.
Доехали до нужной остановки,
теперь автобусом за город – в самый край,
где зайцы под колёсами так ловки
в своём уменьи выжить. Он сказал,
где день сегодня должен быть хороший,
не как на той неделе. Показал,
что с понедельника опять проезд дороже
становится. Она в своё окно
разглядывала знаки препинанья
на вывесках, будто бы в кино
читала иностранные названия.
Доехали. Теперь последний путь
от остановки до кладбищенской ограды,
а там совсем немного, там чуть-чуть.
Торговки редким пассажирам рады.
Она купила маленький букет,
отмерив ровно денег, чтоб без сдачи.
Он закурил. Кому-то там «привет»

сказал едва. Опять сосед по даче
здесь подрабатывал, теперь спешил домой.
Она не обернулась на соседа,
махнула только кратко головой,
взяла цветы и поспешила следом
за ним, что шёл немного впереди.
Никто не попадался им навстречу.
Служитель кладбища с повозкою один
проехал мимо. Приближался вечер.
Они спешили, чтобы дотемна
успеть проведать. И успеть обратно.
Как это часто водится, луна
уже висела в небе, вероятно,
напоминая, кто здесь правит бал.
Луна висит. Цветы полощет ветер.
– У дома хлеба купим, – он сказал.
До вторника – зима на белом свете.

Январь 26 2013 г.

Ив. Ан. Крылов, год 2013

...ворона соглашается на хлеб,
за неимением другого угощения
в моих руках. Лисе за сыр привет —
в её глазах. Лиса от возмущенья
икает где-нибудь, не ведая стыда —
возможно, сыр несвежий ей попался,
просроченный. И не её вина,
что сказочник нещедрый оказался.
Всего кусочек и какой — на зуб,
что даже не распробуешь всю прелесть
сыроварения. Иван Андреич — груб
в своих побасенках. Листвы негромкий шелест —
ворона отправляется к себе,
лиса в курятник, чтоб обед продолжить,
нельзя отказывать самой себе в еде,
коль у вороны только хлеб порожний.

Январь 27 2013 г.

Сюрреалистический этюд

Оптический обман – окно напротив
как будто бы горит, но это отблеск
бегущих фар, что там, на повороте,
у светофора подаянья просят.
И мелкою монетой за труды
он им отсыпет. Мелкою монетой,
пока в окне ещё блестят следы,
прикрытые вчерашнею газетой
от лишних глаз. Заклеено окно
просроченной бумагой во спасенье
от посторонних, чтобы, как в кино,
жизнь продолжается вплоть до воскресенья,
т. е. хотя бы до конца недели,
когда из отпуска хозяева вернутся,
и он опять к своей жене уедет,
успев на повороте оглянуться.

Январь 27 2013 г.

Другу стихотворцу

В воде ли отразится твой уход,
иль облако опять волну накроет
своим присутствием, чтоб всё наоборот?
Чья собственность теперь? Кто козни строит?
Какая разница теперь. Который год
в другом столетии отмечаю дату
в календаре, а по течению вод —
расположение на карте для возврата
оттуда, где вода и облака
своим вниманьем обнимают местность.
И в описании старательно рука
по буквам выводя на камне — Вечность,
как по бумаге. И крошит перо
линованный листок своим участием
в недолгой жизни. Камню всё равно —
бумага стерпит, предоставив власти
чернил своё пространство — для игры.
Какой пейзаж с водой и облаками! —
доступными для вымысла, и ты
кроишь его свободными руками.

Январь 27 2013 г.

Из жизнеописания

У дерева не спросишь, каково
там, за границей крыш, за струйкой дыма,
где даже смерть не значит ничего —
за самым краем... и созвездья мимо
плывут окна – в означенный предел.
Стенания всё глуше. Только ветер
разносит звук, который долетел
до этих мест. И звук за всё в ответе.
За неимением других координат,
взгляд устремляется туда – неумолимо,
страдающая только от былых утрат,
стирая страх слезой. Слеза учтиво
стекает на платок, покуда ты
глядишь туда, откуда возвращаться
несвойственно – не растеряв черты
и прочее богатство домочадца,
скопившего за свой недолгий век —
немного, но достаточно для смерти! —
чтобы однажды утром без помех
отправиться туда с письмом в конверте
незапечатанном – известен адресат —
и лично в руки передать посланье
со всем почтением. Но, бросив взгляд назад,
увидеть вдруг границы проживания,

т. е. квартиры, где короткий срок
с подругой милой продлевал старенье —
своё? или её? Порой жесток
бывал в словах, но это от волненья
перед грядущим. Кажется, давно
всё это было, и с другим подруга
дни коротает, пьёт моё вино,
и жизнь идёт, как часики, по кругу,
считая дни, но повода вернуть
бесценный дар ещё не представлялось,
как и туда — с изнанки заглянуть,
не завершив дела — не удавалось.
Ну, может быть, немножечко — за край,
когда обжил больничную палату,
когда судьба сказала — Выбирай —
свой белый лист иль белые халаты.
Я выбрал лист и сигаретный дым,
что по стене сползает осторожно
в пространство, что останется густым,
когда вернуться только невозможно,
по крайней мере, постучавшись в дверь —
лишь в памяти иль проще — на бумаге,
когда к числу действительных потерь
добавится чуть-чуть солёной влаги
и некой правды, что не так горька,
как некогда. Знакомое пространство
сужается. И жизнь так коротка,
что в ней не смысл уже, но постоянство.

Январь 28 2013 г.

«Ты трогаешь ладонью воду со ступеней...»

Ты трогаешь ладонью воду со ступеней,
идущих дальше, в глубину канала,
но здесь на берегу, на той последней
перед водой, ты медленно сказала,
что если жить, то где-нибудь, где так же
вода и небо и немного суши,
чтоб если вдруг случится что однажды —
нашлось местечко успокоить душу.

Январь 28 2013 г.

Зимний пейзаж с продолжением

Вот дерево – оно ещё живёт.
Погода разрешила продолженье
недолгое, как раньше перелёт
осенний птицам. Воздух без движенья.
Ворона, сев на ветку, мелет чушь,
кромсая коготком древесный остов
он недовольства, что в такую глушь
завёл язык, а выбраться – непросто
из этих мест. Любой ориентир,
как отраженье, пялится обратно
на свой оригинал. Холодный мир
грозит бесчинствами и снегом, вероятно,
по самое гнездо. Она глядит.
В глазах тоска, а небо – дальше. Дальше.
Сильней сжимает ветку – впереди
ещё зима, т. е. проблемы, значит.

Январь 29 2013 г.

«До Рима не добраться – от тоски...»

До Рима не добраться – от тоски.
А до Москвы, тем более – не выйдет —
все поезда настолько коротки,
что даже в проездном билете имя —
не гарантирует поездку вдоль реки.
Куда-нибудь, в деревню, налегке,
всю собственность упрятав по карманам.
Туда, где паучок на потолке
рисует карту мира, как-то странно
сближая страны, где вода в реке
не пахнет тиной, как вода из крана.
Куда-нибудь, в заштатный городок,
затерянный во глубине Отчизны,
где старожилы коротают срок,
не отличая вымысла от жизни.
И где правитель глуп, но не жесток.
До Рима, до Москвы... – куда-нибудь,
где есть покой, и только ветер душу
терзает беспокойством – в добрый путь
туда, где мир ещё способен слушать
того, чей шёпот, слышимый чуть-чуть.

Январь 29 2013 г.

Ещё одна зима

Ещё одна зима наполовину состарилась – не худшую, наверно.

И, созерцая общую картину,
вдруг видишь, что вокруг не так уж скверно
всё получилось – и не только выжил,
но даже умудрился не замёрзнуть
в пустой квартире. Из прогнозов слышал,
что дальше будет всё уже серьёзно.
Как будто бы уже конец творенью.
Но дворник чистит снег, горят витрины.
И я пишу своё стихотворенье,
чтоб тоже не пропасть – наполовину,
на четверть даже, не смотря на возраст,
что исчисляю не по дням рожденья,
что было бы, наверно, слишком просто,
сместив в календаре расположение
печальных цифр. Погода греет память
своим присутствием в окне. Горит светильник.
Чернила не о тех, кого нет с нами,
страдают, но о выживших. Будильник
который год молчит. Обнявшись, стрелки,
закончив круг, застыли на двенадцать,
решив, что дальше, как у старой грелки —
лишь дырка в брюхе – и пора расстаться,

сменив часы, как календарь бумажный,
на что-нибудь ещё с таким же кругом,
но более существенным и важным,
чтоб больше не стараться друг за другом
поспеть для встречи. Время согревает —
оставшееся. День идёт на убыль.
Свет фар, летящих, за окном мелькает.
В кармане бряцает полтинниками рубль...

Январь 30 2013 г.

«Бог не забыл – Он просто не успел...»

Бог не забыл – Он просто не успел
предупредить. За важными делами
его уход Он как-то просмотрел —
и значит, что теперь – лишь только память
о днях минувших – весь его удел.
И пыль на книгах, что он сохранил,
не прожил среди прочего богатства,
среди пустых бутылок, что распилил
с друзьями как-то, в частности – за царство
небесное – кого-то хоронил
и поминал, как водится – три дня,
измерив в глубину пространство горя.
Потом, как водится – полцарства за коня,
чтоб сгинуть где-нибудь на ветреном просторе
от боли и тоски, себя кляня,
что не сберёт его. Не доглядел.
И всё теперь, как будто – между прочим,
среди других незавершённых дел.
И расстояние до вымысла – короче,
чем раньше виделось, когда ещё предел
был недоступен, и его следы
хоть иногда, но виделись в пейзаже.
Когда наличие беды и ерунды

равнялось в сумме, чтобы лишь однажды
узнать всю боль законченной игры.

Теперь уже не соскresti со лба
морщины и печаль рукой холодной.

И будущее видится – едва
сквозь сутолоку лиц. Теперь свободный
в своих сомнениях – он говорит Слова.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.